

Ивановы и Ростовский музей

в его праздничных датах

В. В. Иванов

С Ростовским музеем связана судьба многих моих ближайших родных, представителей известной купеческой семьи Ивановых. Первой широко отмечаемым событием в истории музея в советское время в 1923 г. стала дата, связанная с 40-летием музея. В подготовке и проведении празднования этой даты активное участие приняли Ивановы. В 1920 г. его директором музея стал Д. А. Ушаков. Сотрудники музея с энтузиазмом стали готовиться к торжеству. Главными помощниками Д. А. Ушакова были Сергей Николаевич и Петр Сергеевич Ивановы. В мае того же года после окончания Кекинской гимназии, переименованной в школу II ступени, начал работать в музее младший брат С. Н. Иванова, мой отец Владимир Николаевич (ил. 1). В.Н. оставил мемуары, написанные во второй половине XX в., в которых писал:

«Я поступил на работу в Ростовский музей 1 мая 1923 года на должность научно-технического работника с окладом 12р. 50 к. И все же это было большое подспорье семье, в которой был один работник на 7 ртов». Чтобы представить размер месячного вознаграждения, можно сказать, что в дензнаках 1923 г. в Москве на рынке можно было купить около 10 фунтов ржаного хлеба. Кого отец считал единственным работником — себя или старшего брата, сейчас спросить не у кого. Дело в том, что С. Н. Иванов в это время учился на архитектурном факультете Московского института гражданских инженеров. Он оставался в штате музея, но без постоянного денежного содержания. Семья с трудом сводила концы с концами. В 1922 г. умер отец семейства Николай Андреевич Иванов. Стало не под силу содержать собственный дом на Ильинке. В эти годы огромную материальную поддержку оказывал директор музея Д. А. Ушаков. При его участии семья переехала в Ростовский кремль и жила в корпусе возле Часобитной башни.

С. Н. Иванов во время обучения в Москве получал от музея небольшие денежные суммы, выполняя отдельные поручения. Он много сделал для подготовки праздничной даты. Именно в этот период он подбирал произведения в Государственном музейном фонде и организовывал доставку в Ростов. Благодаря его энергии сложилась интересная живописная коллекция, и были приобретены другие экспонаты, которые использовались в обновленной экспозиции по случаю 40-летия музея.

Празднование явилось волнующим и запоминающимся событием для 17-летнего В. Н. Иванова. Об этом свидетельствуют его мемуарные записи: «Не помню, в 1921 или 1922 г. музею было передано здание бывшего духовного училища — Самуилова корпуса, и его усиленно готовили для новой

экспозиции, с тем, чтобы открыть к ноябрю месяцу — 40-летию музея.

Коллектив музея был небольшой, но очень дружный, все уважительно относились друг к другу. Душой всего дела был Дмитрий Алексеевич Ушаков, бывший артиллерийский офицер с незаконченным образованием Московского Археологического института. Он был сыном племянницы известного ростовского богача Кекина, в замужестве за Ушаковым. Дм. Алексеевич носил бороду и усы, что при его молодом с живыми глазами лице всегда с розовыми щеками было пикантно, он обращал на себя внимание и запоминался. Ближайшими помощниками Дм. Ал. были мой старший брат Сергей Николаевич, двоюродный брат Петр Сергеевич...

Уже съезжались гости, а я с братом Сергеем на подмостях под потолком еще монтировали хрустальную из подвесков люстру на лестничной клетке...

Музей был прекрасен. В белой палате развернули Ионинскую ризницу, для чего из Ярославля привезли прекрасные шитые саккосы (Строгановых), взяли плащаницу из действовавшего еще собора, выставили серебро, во все паникадила вставили свечи. Белая палата наполнилась особым светом, живыми тенями, а красавец Ионафан в своем епископском одеянии был просто неотразим.

Во втором этаже Самуилова корпуса впервые в Ростове развернули картинную галерею русской живописи XVIII—XX вв. Подбор был не особенно разнообразен, но произведения прекрасные. Здесь же была экспозиция фарфора. Мой брат Сергей подобрал в Москве в музейном фонде очень неплохую коллекцию, кое-что удалось собрать на месте...».

Как известно, период бурного развития музея 1920 гг. завершился весьма трагически. С. Н. Иванов в 1925 г. умер. Молодые сотрудники уехали на учебу в Москву. Ведущие работники музея во главе с Д. А. Ушаковым в 1931 г. были арестованы ОГПУ. Несмотря на то, что их через несколько месяцев выпустили, они были вынуждены покинуть родной город. В музее, как писал В. Н. Иванов, «началась другая страница истории, шедшей под эгидой культурной революции». На какое-то время тесная связь моих родных с музеем затихла.

Регулярные поездки В. Н. Иванова в родные края возобновились только после войны. В нескольких поездках мне посчастливилось сопровождать его. Особенно запомнилась поездка в 1963 г., также связанная с круглой датой. В этом году праздновалось 600-летие Борисоглебского монастыря. Мы выехали заранее, до запланированных тожеств, и провели день в Ростове. В прогулке по городу отец показал дом, в котором он появился на свет. Около храма Спаса на Песках мы поклонились месту захоронения наших предков. Возле этого храма покоятся многие Ивановы, среди них мой прадед — Андрей Дмитриевич и его жена Евфалия Яковлевна, дед Николай Андреевич, дядя — Сергей Николаевич. В этот наш приезд следов могилы не сохранилось, рядом с предполагаемым ее расположением стояли густые кусты сирени, а поодаль, на бывшем кладбище, росла картошка.

Запомнился эпизод, связанный с посещением музея. Камертоны

Аристарха Израилева, имитирующие звук колоколов знаменитой звонницы, выставлены были в церкви Спаса на Сенях. В.Н. решил дать нам представление о знаменитых ростовских звонах. В 1920 г. многие сотрудники имели навыки работы с камертонами и часто воспроизводили звоны при проведении экскурсий. В.Н. попросил сопровождавшего нас работника музея ассистировать ему. Однако никого умеющего обращаться с камертонами в этот раз не нашлось. Для воспроизведения даже простого звона необходимо взаимодействие хотя бы двух участников. В.Н. готов был отказаться от своего намерения. Но во время подготовки к импровизации в церкви скопились заинтересованные посетители, отступить было нельзя. В.Н. предварил звуковую иллюстрацию очень интересным рассказом, одиночными ударами колотушкой по каждому камертону, называл колокол, которому должен соответствовать звук. По мере рассказа и управления камертонами удары становились все увереннее, звук более глубокий, а в конце была даже попытка воспроизведения какого-то перезвона. Присутствующие были очень довольны незапланированным и интересным познавательным эпизодом.

Главной целью описываемого путешествия был Борисоглеб, куда мы выехали на следующий день. В эти годы филиал Ростовского музея в монастыре был закрыт. Однако благодаря энергичным усилиям М. Н. Карасевой музей продолжал работу в форме Народного музея.

В.Н. откликнулся на просьбу М. Н. Карасевой и активно участвовал в подготовке мероприятий по случаю 600-летия Борисоглебской крепости, как тогда называли монастырь. О том, что В.Н. в 1924 г. 18-летним юношей был назначен первым комендантом образованного филиала Ростовского музея в упраздненном монастыре, я впервые услышал, когда М. Н. Карасева предоставила ему слово на торжественном заседании в Доме культуры. В своем выступлении В.Н. очень тепло сказал о самоотверженной работе М. Н. Карасевой, а потом подарил Народному музею только что изданную под его редакцией книгу о Московском Кремле.

Следующий эпизод, связанный с юбилейной датой в истории музея, относится к 1983 г., когда музею исполнилось 100 лет. В. Н. Иванов начал подготовку к этой дате задолго до события. Он был членом каких-то официальных комиссий по подготовке юбилейных мероприятий. Но главными его действиями была неформальная подготовка. Он мечтал выпустить книгу о сокровищах музея. Соавтором должен был стать А. В. Доминяк, работавший в это время заместителем директора по науке. Был заключен договор с издательством. Несколько лет соавторы трудились над перечнем предметов, писали аннотации, уточняли исторические детали.

Неожиданно в этой работе возникли препятствия, стали появляться указания о смене концепции книги, появились разногласия с редакцией. Непонятные события произошли в Ростове, приведшие к тому, что А. В. Доминяк вынужден был уйти из музея.

В результате В.Н. отказался от дальнейшей работы над книгой, хотя работа была близка к завершению. Несмотря на эту неудачу, он очень хо-

тел участвовать в научной конференции и подготовил доклад «Ростовский государственный музей в 1920–1930 г.». Но это намерение также не осуществилось, год столетия любимого музея в жизни В.Н. оказался не самым удачным, в ноябре он попал в больницу. Текст доклада сохранился, я позволю себе процитировать некоторые его части.

«Весь, как молодой, так и пожилой контингент музея, оставаясь в летние вечера, после работы, безвозмездно, с увлечением помогал проведению начавшихся реставрационных работ, подготавливая на следующий день фронт работ каменщикам и другим специалистам. Шло в первую очередь восстановление отопительной системы зданий. На месте зала, в котором сейчас работаем, появилась поленница березовых дров, а зимой тепло. Отремонтированы крыши, окрашены и побелены фасады всех зданий.

К 10-летию Октября кремль выглядел помолодевшим и очень нарядным. В те годы не ставилось задач научной реставрации, на это не было еще средств, а главное, как сейчас помню слова П. Д. Барановского и Д. П. Сухова — архитекторов с большими знаниями, опытом и авторитетом: «Прежде всего необходимо памятник сохранить, предотвратить его утрату, а потом уже постепенно, не торопясь, вести научное исследование и реставрацию»...

Далее из непроизнесенного доклада: «По совету П. Д. Барановского была поставлена задача провести исследования по Красной палате и Самуилову корпусу. Одно из этих зданий подверглось в XVIII веке полной перестройке, а другое в с редане XIX в. разрушено. Оба имеют главное значение для исторической реконструкции застройки внутри кремля,

Зондажи на восточном фасаде Красной палаты показали, что окна и наличники первого этажа могут быть восстановлены, сохранность части внутренних капитальных стен обеспечивала реконструкцию планировки. Северный фасад крыльца был полностью уничтожен и мог быть восстановлен только по аналогии с другими зданиями этого периода.

В 1920 гг. приступить к реставрации палаты по материально-техническим условиям было невозможно. Эта задача, как известно, решена под руководством В.С. Баниге в 1950 гг.

Однако после реставрации возможностей для размещения экспозиции музея не было. Не увенчались успехом и попытки приспособления ее для какого-либо другого использования, для общегородских нужд. Несмотря на это, я выражаю полную уверенность, что будущее поколение увидит это здание использованным для размещения богатейших коллекций музея...».

Меня радует, что многие пожелания В. Н. Иванова стали реальностью.

В августе 2013 г. отмечалось 175-летие со дня рождения А.Л. Кекина. На круглом столе, состоявшемся в Кекинском доме по этому случаю, в выступлении директора гимназии А.А. Гаврилова прозвучало, что ученица 11 класса Ростовской гимназии Анастасия Умникова написала доклад на тему «Молодежь в эпоху социальных потрясений 1917–1918 гг. (по материалам личных писем гимназистов Кекинской гимназии Т. Тониса,

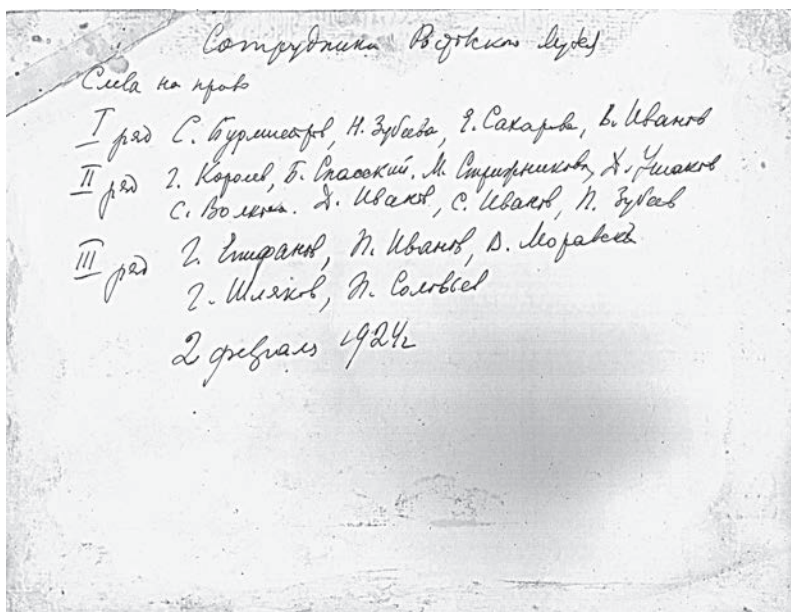
И. Таубмана, С. Иванова)».

Доклад получил высокие оценки на различных конкурсах. На меня это сообщение произвело очень сильное впечатление. Буквально за несколько дней до круглого стола я обнаружил в семейном архиве фотографию с героями доклада Умниковой. Сам доклад я не читал, но письма, послужившие его основой, читать приходилось. С. Н. Иванов увлекся стариной, будучи гимназистом, проводил много времени в Белой палате. Не все сверстники принимали его страсть. Упомянутый Т. Тонис писал: «Неужели у тебя есть интерес, заходить в тысячу раз виданную, дрянную (извини за выражение) Белую Палату, чтобы определять стиль всякого старья?».

В заключение хочу сказать о том, что в фондах Ростовского музея хранятся еще многие документы нашей семьи, которые могут стать основой для исследований истории не только музея, но и страны в целом.

Ил. 1. Гимназисты. На обороте фотографии перечислены почти все персоны, но, к сожалению, без указания местоположения каждого. В. Н. Иванов — первый слева в верхнем ряду. На один ряд ниже, третий слева Н. Б. Щапов, в будущем известный ярославский специалист в области охраны и реставрации архитектурных памятников. В центре сидит преподаватель гимназии Е. Мороховец, впоследствии Профессор Московского университета

Ил. 2. Обратная сторона фотографии 1924 г.

Ил. 3. Сотрудники музея, февраль 1924 г. Верхний ряд: Г. Епифанов, П. Иванов, В. Моравский, Г. Шляков, П. Соловьев, средний ряд: Г. Королев, Б. Спасский, М. Стрижникова, Д. Ушаков, С. Волкова, Д. Иванов, С. Иванов, П. Зубеев, нижний ряд: С. Бурмистров, Н. Зубеева, Е. Сахарова, В. Иванов

Ил. 4. С. Иванов, Г. Мороховец, А. Иванова, Т. Тонис, О. Волкова, И. Таубман

Ил. 5. Вид от Самуилова корпуса на внутренний двор кремля. 1927 (?) год. У подножия мощного дерева сидит младший брат С.Н. и В.Н. Ивановых – Лев, который также был сотрудником музея